

Альморавиды и Альмохады: опустошение Северной Африки

В продолжение темы [закономерностей исторического процесса, параллельные паттерны развития событий в истории разных регионов и прочую «морфологию истории»](#).

Я уже писал, как воспринимались варварские ["подвиги" европейских варваров жертвами крестовых походов – жителями стран ислама](#), тогда бывшими «на переднем крае цивилизации». Известный медиевист Отто-Герхард Оесле показывает, что из множества факторов, обусловивших крестовые походы, действующей причиной (в аристотелевском смысле, *causa efficiens*) стал не недостаток культуры, а увеличение религиозности, "горение веры". Естественным образом одним из аспектов последнего стало стремление решить проблему иноверцев извне (и внутри) христианского мира вооружённой рукой.

«Стремящееся к обновлению римской церкви движение второй половины 11 в., которое обобщённо называют «григорианской реформой», явно было далеко от идеи мира. Его центральной идеей был не *pax*, а *militia*. С началом 11 в. в учении о трёх сословиях, т.е. в схеме функционирования тройственного деления общества, применение оружия «воюющими» - *bellatores* и *pugnatores* – стало определяться как сакрально легитимированный общественный долг, который снимал вину с отдельного человека, если тот брал на себя эту задачу. С момента легитимации применения оружия королями, аристократами, рыцарями речь пошла о 2х тесно связанных между собой процессах, которые на протяжении всего 11 в. взаимно обуславливали и подталкивали друг друга: с одной стороны – о религиозном обосновании и регулировании насилия, с другой – о милитаризации религии и Церкви. Этой милитаризации как раз и соответствовало разрабатываемое епископами и теологами религиозное и идейное обоснование применения оружия.

Militia как факт и как понятие стала одним из основных феноменов 11 в., ментальных и социально-политических, в известной мере центром, вокруг которого происходило движение духовной, политической, церковной, социальной жизни. Движение Божьего мира первой половины 11 в. пыталось не только установить и воплотить в жизнь правила применения военной силы, оно привело также к созданию епископских войск («милиции»). Примеру создания этой епископской «милиции» последовало с середины столетия и стремящееся к реформе папство. Лев 9й первым из римских пап в 1053 году выставил против норманнов *militia* под своим предводительством. Папу Григория 7го можно назвать самым «воинствующим Папой» из всех, кто «когда-либо восседал на престоле св.Петра». Уже будучи архидиаконом римской Церкви, он разработал и реализовал концепцию настоящего «воинства св.Петра» - *militia Sancti Petri*, а в начале своего понтификата даже пропагандировал план самому в роли *dux et pontifex* поспешить во главе вооружённого отряда христиан на помощь византийскому Востоку и дойти до

Гроба Господня в Иерусалиме, т.е. план первого крестового похода. Этим Григорий 7й поспособствовал тому, чтобы идеи крестового похода проложили себе дорогу, также как созданной им *militia Sancti Petri*. Создание церковной и папской «милиции» и движение крестовых походов стоят в тесной связи с церковной реформой. Если ещё раз повторить это словами К.Эрдманна – движение крестовых походов является «рыцарской стороной» церковной реформы.

Также и духовная полемика времён так называемого спора за инвеституру находилась под влиянием упомянутой милитаризации. Представители григорианской реформы в соответствии с духом программы реформ требовали от мирян воинственного поведения. Григорий распространил сферу действия этого мятежного канона на всех «презирающих Наши или св.Отцов предписания». Здесь речь шла не о мире, а о религиозно мотивируемой борьбе за иной порядок в Церкви и в обществе.

Следует также напомнить о том, что движение крестовых походов как движение вооружённых паломничеств в Иерусалим, инспирированное Папой Урбаном 2м в конце 11 в., по сути, было религиозным движением и поэтому со своей стороны ещё раз доказывает милитаризацию религиозных движений того времени. Их воинственный характер в 11 и 12м веках, как никто другой, презентует [Бернар Клервосский](#), также пропагандировавший идею крестовых походов. В своём послании *De laude nova militia* (1136) он оправдывал слияние рыцарства и монашества, т.е. милитаризацию идеи монашества, утвердив тем самым новые рыцарские ордена в их исторической роли. Бернар Клервосский был также тем, кто, подобно многим своим современникам, стремился к окончательному решению «вопроса язычников»: или путём их насильственного обращения, или же их физическим истреблением».

О.-Г. Оесле. Формы мира в религиозных движениях высокого средневековья (1000-1300 гг.). // Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М.: НЛО, 2007. С.163-166.

И действительно, тот же самый процесс милитаризации, следующей из укрепления веры, разыгрался в недрах самого мусульманского мира, приведя к уничтожению важных очагов цивилизации внутри последнего.

«Со времени арабского завоевания (647-703) история стран Северной Африки была неразрывно связана с историей стран Ближнего и Среднего Востока. По сути дела, эти страны составляли единый историко-культурный регион. Общность цивилизации Халифата: единые законы, аналогичный характер политических институтов, общность культурных ценностей и поведенческих установок - все это предопределяло историческое единство сирийско-средиземноморского региона. При всех внутренних различиях он составлял единую ойкумену, в рамках которой происходил оживленный культурный, торговый и технологический обмен. Страны к югу от Сахары и к северу от Пиренеев и Балкан воспринимались как дикая, варварская периферия, находившаяся за чертой

человеческой цивилизации. Туда выезжали отдельные смельчаки и редкие официальные миссии. Правда, на границах ойкумены еще существовали Аксум, Византия и Рим - последние оплоты поверженного врага, в борьбе с которым возник и развивался ислам.

Как часть мусульманской ойкумены, или *дар аль-ислам* (земля ислама), страны Северной Африки пользовались всеми ее достижениями. В IX-X вв. они переживали период расцвета. Еще при Омейядах удалось преодолеть последствия длительного хозяйственного регресса. В эпоху омейядской "зеленой революции" в Магрибе начался мощный подъем сельского хозяйства. Он был связан с переворотом в земледелии, вызванным прежде всего массовым ирригационным строительством. В Ифрикии, Марокко, Забе и районе Константины были построены сотни ирригационных сооружений: плотин, водохранилищ ("малых морей" арабских поэтов), оросительных, распределительных и водоотводных каналов. Последние, как и большинство рек, были судоходны, использовались для перевозки товаров и людей. На их берегах возвышались *норши* - водоподъемные колеса, подававшие воду на поля и в усадьбы.

Массовое развитие искусственного орошения привело к коренным изменениям в технике земледелия. Повсеместно был завершен переход от античного двухполья к новым севооборотам, допускавшим ежегодное двух-трехкратное использование земель. Одно это в несколько раз увеличило реальную посевную площадь. Помимо традиционных культур - пшеницы, ячменя, виноградной лозы, маслины, финиковой пальмы и садово-огородных растений - широкое распространение получили новые, "индийские" культуры: рис, сахарный тростник, индиго и т.п. В Ифрикии и Марокко появились посевы льна и хлопчатника. В Кастилии (совр. Южный Тунис) занимались шелководством. Поля отличались высоким плодородием. В Ифрикии урожайность пшеницы в 5-6 раз превышала показатели средневековой Европы. ...

В IX-XI вв. страны Магриба представляли прежде всего как общество горожан. Города были средоточием социально-политической и религиозной жизни, определяли хозяйственный облик региона. Для IX-XI вв. характерен высокий уровень урбанизации. В Ифрикии при 8 млн. населения (X в.) около 30-50% проживало в городах. В основном это были малые и средние города, жители которых сочетали чисто городские занятия с пригородным земледелием. Как правило, города располагались на месте погибших античных поселений или рядом с ними. От античных городов они унаследовали крытые базары, бани, акведуки и каменные мостовые. Колонны древних языческих храмов, цирков и амфитеатров использовались при строительстве пятничных мечетей, дворцов и резиденций местной знати.

Ремесленное производство находилось на довольно высоком уровне, особенно изготовление тканей и ковров. Города Ифрикии вывозили шелковые ткани, шерстяные плащи, льняную одежду, изделия из стекла, кожи, дерева и различных металлов. В Тунисе, Сусе, Махдии (с X в.) существовали крупные судостроительные верфи; изготавливались оружие, доспехи, осадная и баллистическая техника. Добывались железо, медь, олово,

свинец, ртуть, в некоторых районах серебро и даже золото (Сиджильмаса).

Тенденция к натуральному хозяйству, возобладавшая в конце III в., к VIII в. вновь уступила место товарно-денежной экономике. Земля и крупные мастерские принадлежали государству; торговля и мелкое ремесленное производство находились в частных руках. Крупного феодального хозяйства не было. Община возродилась не везде. Различные формы общинного землепользования господствовали в Марокко, в периферийных и горных районах. В Ифрикии и близ городов по-прежнему сохранялись частнохозяйственные отношения, развивавшиеся на базе мелкотоварного производства.

Социальная структура населения отражала довольно развитые классовые отношения, которые в отечественной историографии обычно характеризуются как раннефеодальные. Господствующий класс, или *хасса*, состоял из арабской военной знати, высшей бюрократии и местных властителей, нередко сохранявших полупатриархальные черты родо-племенных вождей. Большую роль играли денежные дельцы, откупщики и купечество. Преобладали феодально-государственные формы эксплуатации, в основном через взимание налогов. *Джунди* (рыцари), *аскеры* (солдаты) и *катибы* (чиновники) получали жалованье, более крупные чины - также пенсии (*атыйят*). Эмиры джунда (дружин) и местные властители, опиравшиеся на рыцарские дружины, отряды наемников и родо-племенные ополчения имели укрепленные замки, обычно являвшиеся центрами их "кормлений" или *маназиль* (букв. "квартирование", "обиталище").

Основную массу населения составляли общинное крестьянство и плебейские слои города, или *амма*, главным образом мелкие хозяева и лица наемного труда. Значителен был удельный вес рабов (в Ифрикии IX в. до 20-25% всего населения), привозившихся в основном с севера. Они использовались как в сфере услуг, так и в различных отраслях производства.

Начиная с VIII в. культура Северной Африки развивалась в общей духовной атмосфере Халифата. Помимо религиозных и оккультных наук широкое распространение получили естественные науки (математика, космография, инженерное дело и медицина). Высокая грамотность городского населения, размеренная деловая жизнь, всеобщее пристрастие к музыке, поэзии и красноречию, утонченность нравов и изощренный этикет знатных фамилий являлись наиболее характерными чертами эпохи. В отличие от средневековой Европы, страдавшей от голода и недородов, в Магрибе наблюдалось относительное благоденствие. Хлеба здесь хороши, писал арабский ученый аль-Бакри (XI в.), урожаи необычайно велики, продукты всегда дешевы.

Северная Африка была крайне неоднородна в языковом, этническом и религиозном отношении. Основную массу населения составляли *румы* ("римляне" - латинизированные группы), *афарика* (автохтонное население Ифрикии и приморских городов), евреи и представители различных берберских народностей (*масмуда*, *матмата*, *зената*, *хаввара*, западные и восточные *санхаджа*, *кутама* и др.), населявшие Марокко, горные районы Алжира и Северную Сахару. В Сиджильмасае было много *харатинов* - потомков

чернокожего населения древней Сахары. Арабы и другие арабизированные пришельцы с Востока составляли не более 7-8% населения Ифрикии, в других районах - и того меньше.

Культура Северной Африки имела восточные корни и издревле была связана с Востоком, особенно с Сирией. Поэтому процесс арабизации, начавшийся здесь примерно с середины VIII в., отнюдь не выглядел как утрата регионом своей культурной самобытности. Он представлял как своего рода процесс культурного возвышения, приобщения местного населения к ценностям более высокой цивилизации. Соответственно арабский язык воспринимался прежде всего горожанами и представителями высших слоев населения. Географически арабизация раньше всего охватила Ифрикию и приморские районы Среднего Магриба с преобладанием семитского населения, говорившего в римскую эпоху на неопуническом языке. Более медленно арабизация протекала в Марокко, Забе, Кастилии, в горных районах и других местностях с компактными группами романского и берберского населения. Здесь коренные жители, особенно в деревне, в IX-XI вв. продолжали говорить на своих языках, сохраняли свою письменность. В Ифрикии последние надписи на латинском языке относятся к середине XI в.

Вплоть до середины XI в. страны Северной Африки представляли собой христианские страны, находившиеся под властью мусульман. Последние составляли около 10% населения в начале IX в., 50% - в середине X в. и около 80% - к концу первой четверти XI в. Если не считать правящую верхушку, то в отличие от арабизации исламизация охватывала в первую очередь социально обездоленные слои населения, прежде всего в более отсталых, периферийных районах. Основную массу мусульман составляли плебейские слои города. По некоторым подсчетам, 66% служителей мусульманского культа в IX-XI вв. являлись выходцами из торгово-ремесленного населения, далее шли лица наемного труда, учителя и т.п. Почти совсем не было выходцев из земледельческого населения и представителей интеллигентных профессий, служащих государственных канцелярий. Среди последних мусульман было около 3%.

Для эпохи Халифата было характерно чрезвычайное многообразие религиозных школ и направлений. В них в типично средневековой форме отражались социальные и политические противоречия. В наиболее развитых районах, в частности в Ифрикии, большинство мусульман составляли сунниты, воспринявшие маликитскую школу шариата. В 849 г. верховный кадий Кайруана Сахнун ибн Сайд (775-854) предпринял религиозную реформу, утвердив маликизм в качестве господствующей религиозной доктрины. В народных низах, особенно в Среднем Магрибе и Марокко, большим влиянием пользовались различные алидские течения, в частности зейдиты и исмаилиты, а также хариджиты (ибадиты, софриты, нуккариты), которые в VIII-X вв. возглавляли массовые народные движения, направленные против феодального гнета и социальной несправедливости. Значительно меньшим влиянием пользовались ханифиты, мутазилиты,

захириты и представители других религиозно-мировоззренческих течений, возникавших в центре Халифата. В Марокко и Среднем Магрибе были также последователи неопределенного монотеизма, как, например, могущественная секта [еретиков-бергвата, имевших в качестве своего писания так называемый берберский коран, в котором нашли отражение библейско-христианские, мусульманские и языческие верования.](#)

Что касается африканской христианской церкви, особенно католической, то в IX-XI вв. она переживала глубокий упадок, была ареной схизм и расколов. Повсеместно большим влиянием пользовались многочисленные и процветающие еврейские общины. Помимо раввинитов имелись караимы (караиты), которым удалось обратить в свою веру целый ряд берберских племен Марокко.

[до начала арабских завоеваний некоторые берберские племена джарауа) приняли иудаизм. Их княжества (всего 9 - Борион, Нафуса, Орес, Лудалиб, Аль-Курдан, Шивава, Тальмесан, Вад-Драа, Тахир) возникли после распада Римской империи и представляли собой североафриканский аналог Хазарии и Химьяра. [Наиболее известна правительница княжества Орес – Дахия аль-Кахина бинт-Табиту, возглавившая упорное сопротивление арабам.](#) **В.К.**]

Наиболее рельефно религиозный плюрализм отражался в государственно-политической структуре Северной Африки. В эпоху Халифата ей была присуща неразвитость государственных учреждений и институтов. О какой-либо централизованной администрации, тем более едином государственном порядке говорить не приходится. Жизнь народа текла в рамках конфессиональных общин, управлявшихся своими кадиями, епископами, раввинами и другими религиозными авторитетами. Преобладали мелкие феодальные владения, своего рода города-государства, имевшие даннические отношения с окружающими их "союзными" племенами. В ряде случаев они признавали сюзеренитет более крупных правителей, платили им дань и т.п.

Наиболее крупным государством Северной Африки был суннитский эмират Аглабидов (800-909) в Ифриквии. Он признавал верховный сюзеренитет Аббасидов. Совместно с ними Аглабиды проводили активную политику "священной войны" на море, завоевали Сицилию и Южную Италию, в 846 г. захватили Рим, учинив погром вечного города. На западе Магриба наиболее влиятельной силой было алидское, зейдитское по своему характеру, государство Идрисидов (788-921), еще в IX в. распавшееся на ряд удельных княжеств, связанных между собой религиозно-династическими узами. Идрисиды поддерживали связи с мусульманскими правителями Испании и были крайне враждебны к Аббасидскому халифату. Власть Багдада не признавали также многочисленные хариджитские государства; важнейшими из них были ибадитский имамат Ростемидов (761-911) со столицей в Тахерте в Среднем Магрибе, софритский имамат Мидраридов (757-976) в Тафилалете со столицей в Сиджильмасе и полухариджитское государство еретиков-бергвата (744-1059) в Тамесне, на приатлантической равнине Марокко.

Стремление масс к правде и социальной справедливости явилось причиной первых успехов Фатимидов - алидской фамилии, которая в конце IX в. встала во главе движения шиитов-исмаилитов, проповедовавших эгалитаризм и мессианские идеи. Движение было поддержано берберами-ку-тама, жившими в горах Кабилии. В 911 г. Фатимиды с помощью кутама установили свою власть в Ифриквии, затем в Тахерте и других районах Среднего Магриба, создав могущественный шиитский халифат. В 973 г., вскоре после завоевания Египта, они перенесли свою столицу в Каир. В Магрибе остались их наместники из династии Зиридов.

Фатимиды впервые попытались институционализировать ислам и создать единые религиозно-иерархические структуры, существовавшие наряду с централизованным аппаратом управления. Они насаждали исмаилитскую доктрину, покончили с относительной веротерпимостью, существовавшей в предшествующий период. Исмаилиты подчинили себе крестьянские общины, торговлю, ремесленное производство; начали вводить монополии на различные отрасли ремесленного и сельскохозяйственного производства.

Деспотическая власть Фатимидов вызывала всеобщее недовольство. В середине XI в. в отместку за неповиновение Зиридов, восстановивших в Ифриквии независимое суннитское государство (1048 г.), Фатимиды направили в Магриб полчища арабских кочевых племен *бану хильяль* и *бану сулейм*. 14 апреля 1052 г. в битве при Хайдаране (близ Габеса) под палящими лучами африканского солнца бедуины разгромили закованных в железо ифрикийских рыцарей, в 1057 г. взяли и разрушили Кайруан. Орды кочевников - арабов и примкнувших к ним берберов-зената - заволокли цветущие равнины Кастилии, Ифриквии и алжирских Высоких плато. Бедуины рубили деревья, вытаптывали поля, опустошали селения. В течение нескольких десятилетий страна была превращена в огромное пастбище. Местное население попало в зависимость от бедуинов, было поделено между кочевыми эмирами, взимавшими с него тяжелую дань.

В это же время западные районы Магриба подверглись нашествию кочевников из Западной Сахары. Во главе их стоял полуграмотный воинствующий проповедник Абдаллах ибн Ясин (ум. в 1059 г.), сочетавший прописи маликизма с призывами к "священной войне". С 1050 г. центром движения стал *рибат* (укрепленная обитель), где жили, молились и готовились к войне последователи Ибн Ясина, или *аль-мурабитун* (живущие в рибате), в испанском Произношении - альморавиды. Опираясь на кочевые племена берберов-санхаджа, или *муталассимун* (носящие *лисам*, т.е. покрывало), они в 1054 г. взяли Аудагаст - столицу Западной Сахары, подчинили себе все земли вплоть до Сенегала и верховьев Нигера и двинулись на север: разгромили государство хариджитов в Тафилалете, шиитов в Сусе (1056 г.) и *бергвата* в Тамесне (1059 г.). В 1069 г. Альморавиды взяли Фее, завоевав всю территорию Марокко и западную часть современного Алжира. В 1086-1090 гг. они подчинили себе Андалусию (мусульманскую Испанию); дважды разгромив-при Заллаке (1086 г.) и Уклесе (1108 г.)-войска кастильского

короля Альфонса VI, Альморавиды на время приостановили Реконкисту и отсрочили падение мусульманских государств Иберийского полуострова.

Суровые воины-монахи, Альморавиды повсюду насаждали принципы ортодоксальной морали. Они жестоко преследовали всякое инакомыслие, беспощадно уничтожали схизматиков и еретиков. По более поздним данным, приводимым аль-Вазани, во время альморавидского нашествия погибло около 1 млн. человек, в том числе весь народ бергвата. Были уничтожены тысячи деревень, селений и мелких городов. *Приатлантические равнины Тамесны превратились в продолжение Сахары и лишь столетие спустя были заселены арабскими кочевыми племенами.*

Нашествие сахарских и аравийских кочевников роковым образом изменило судьбы Северной Африки. Под их ударами погибла земледельческая цивилизация раннего средневековья. Начался длительный период упадка Северной Африки. В середине XI в. она вступила в полосу хозяйственного и культурного регресса. Особенно тяжелый урон понесли внутренние равнинные районы. С приходом кочевников, писал арабский историк Ибн Халдун, прекратилось пение петухов на всем пространстве Высоких плато. *Были полностью уничтожены сложные и разветвленные системы орошения. Исчезли плотины, водохранилища, акведуки и норы. Более того, смещение кочевого хозяйства в северные районы, ежегодные перегоны миллионных стад через лесные возвышенности и горные перевалы, распашка склонов бежавшими в горы земледельцами - все это ускорило сведение лесов и обмеление рек, многие из которых превратились в уэды - сухие русла с периодически возобновлявшимся водотоком.*

Высыхание и опустынивание Северной Африки предопределили катастрофический упадок сельского хозяйства. Отгесненные в горы, земледельцы в большинстве случаев возвращались к примитивной, зачастую еще более архаичной, чем до Омейядов, технике земледелия. Упала урожайность; засуха и недороды поражали целые регионы. В XII-XIV вв. постепенно исчезла культура риса, хлопчатника и т.д. Миллионы гектаров некогда плодородных земель превратились в пустоши, использовавшиеся для экстенсивного скотоводства. Оставшиеся очаги земледелия были переориентированы на выращивание пшеницы и ячменя, частично фиников и садово-огородных культур.

Бедуинизация Магриба привела к исчезновению сотен городов и тысяч селений. Их названия, как свидетельствует в "**Рихля**" ("Путешествие") средневековый арабский ученый ат-Тиджани, еще жили в памяти людей в начале XIV в., обозначая бесчисленные руины, покрывавшие просторы Северной Африки. Катастрофически падала численность населения. По некоторым оценкам, за четыре столетия, последовавшие за вторжением кочевников, оно сократилось на две трети. Синхронный процесс депопуляции, дезурбанизации и бедуинизации Северной Африки привел к тому, что сеть городов и населенных пунктов быстро редела и стягивалась к побережью, где еще продолжали светиться последние очаги арабо-мусульманской цивилизации раннего средневековья.

В XII в. началась новая эпоха в истории Северной Африки. Она неразрывно связана

с возникновением военно-теократической державы Альмохадов. Ее основателем был Ибн Тумарт (1081-1130) - берберский религиозный реформатор, последователь религиозно-философского и этического учения аль-Газали (1058-1111), в основе которого лежал тезис о строгом единобожии - *таухиде*. Вследствие этого последователи Ибн Тумарта назывались *аль-муваххидун* (унитарии, единобожники), или, по-испански, *альмохады*.

Ибн Тумарт осуждал бесчинства Альморавидов и других правителей Магриба. Он рассматривал их как предателей и вероотступников, как грубых антропоморфистов (*мутаджассимун*), которые извратили истинное учение ислама. Он ставил их наравне с христианами и иудеями, подлежащими безусловному уничтожению. *Одновременно он заявил о себе как о ревнителе шариатской морали, публично разбивал амфоры с вином, ломал музыкальные инструменты и обличал свободные нравы женщин.*

В 1120 г. после публичного диспута в Марракеше - столице Альморавидов - Ибн Тумарт ушел в горы и поднял восстание. Его немедленно поддержали марокканские крестьяне, в основном берберы-масмуда, составившие основной костяк альмохадских войск. В 1123 г. в горах Высокого Атласа он создал повстанческое государство - прообраз альмохадской державы, построенный по образу и подобию мединской общины Мухаммада. В 1130 г. после смерти Ибн Тумарта движение возглавил один из его ближайших сподвижников - Абд аль-Мумин. Тогда же он принял титулы *халиф* и *эмир аль-муминин* (повелитель правоверных), основав династию Муминидов, вставшую во главе государства. Восстание быстро распространялось, охватывая все новые и новые районы. В 1145 г. к нему примкнули мусульмане Испании. Наконец, в 1146 г. Абд аль-Мумин взял Марракеш и положил конец власти Альморавидов.

Во время первого (1151-1153) и второго (1159-1160) походов в Ифрикию Альмохады распространили свою власть на всю Северную Африку. В битве при Сетифе (апрель 1153 г.) они наголову разбили ополчения бедуинских племен бану хиляль и бану сулейм. Бедуины были вынуждены признать власть Альмохадов и перейти к ним на службу в качестве вассальных махзенских (военно-служилых) племен. Одновременно Альмохады отразили натиск христиан. В 1160 г. они изгнали норманнов, которые в 1135-1148 гг. захватили большинство приморских городов Ифрикии. В 1195 г. в сражении при Аларкосе (аль-Арак) они нанесли поражение кастильским рыцарям, попытавшимся возобновить наступление на мусульманские земли.

Объединив под своей властью всю Северную Африку и Андалусию, Альмохады создали в Магрибе могущественную мусульманскую империю. Все трепетало и гнулось под их тяжелой рукой. В их владениях воцарилась суровая дисциплина, одна вера и один закон. Альмохады беспощадно карали всех, кто придерживался других убеждений. Их политика *тимъяза* (чистки) сопровождалась массовыми казнями, репрессиями и крупными перемещениями населения. Евреям, католикам и антропоморфистам предлагалось выбирать между смертью и обращением в новую веру. В правление

Альмохадов прекратили существование многочисленные иудаистские конгрегации и африканская церковь. Под страхом тяжелых наказаний населению не разрешалось петь и музицировать, женщины закрывали лицо, мужчины спешили на молитву. Из-за широко разветвленной системы шпионажа люди боялись собираться группами, ходили в одиночку и предпочитали держаться подальше от властей.

При Альмохадах сложились основные социальные и политические институты позднего средневековья. Возникли новые идеалы, моральные и культурные ценности. В значительной мере они сформировались под влиянием ирано-тюркских традиций Ближнего Востока, частично - испанского ислама. Резко возросла роль натурально-хозяйственных отношений. Верхушка Альмохадов быстро феодализировалась. Широкое распространение получили системы *акта* и *исхам* (долевого участия в поступлениях от налогов). Эти пожалования предоставлялись за службу бедуинским эмирам и альмохадским шейхам, составлявшим основную опору альмохадского режима. В городах Альмохады перешли к строгой регламентации хозяйственной жизни, нередко выступая в качестве владельца и совладельца недвижимых имуществ (мастерские, лавки, бани и т.п.). В сельской местности хозяевами положения по-прежнему были эмиры и шейхи кочевых племен (арабов и берберов-зената). Опираясь на собственные военные формирования, они выступали в качестве непосредственных эксплуататоров крестьян и полукочевников, заставляли их платить дань и нести другие повинности.

Фискальный гнет и произвол бедуинов в условиях экологического кризиса до предела обострили социальные противоречия. Народные массы, или "рабы *махзена*" (правительства), как они официально именовались, сочувствовали борцам за маликитское правоверие и различного рода суфийским проповедникам. Идеи Ибн аль-Араби (1165-1240), аш-Шазили (1197-1275) и других выдающихся суфиев получили широкое распространение в Андалусии и Северной Африке. Они в немалой степени способствовали разложению альмохадского режима. Военные поражения, особенно разгром альмохадских войск в битве при Лас Навас де Толосе (аль-Икаб) в 1212 г., явились началом конца, началом эпохи интриг и междоусобиц, сопровождавших развал альмохадской державы.

Разногласия в верхах привели к окончательному распаду империи. На ее развалинах образовалось три самостоятельных государства: Хафсидов (1229-1574) со столицей в Тунисе, Зайянидов (1235-1551), утвердивших свою власть в Тлемсене, и Меринидов (1269-1465), которые захватили Марракеш и положили конец династии Муминидов. Отказавшись от крайностей альмохадской доктрины, особенно в религиозном вопросе, эти правители претендовали на продолжение политики Альмохадов, сохранив их военные и социальные институты».

Н.А.Иванов. Магриб в 9-11 вв. Альмохады и Альморавиды // История Востока. Том 2. Восток в Средние века. М.: Восточная литература, 2002. С.225-235.